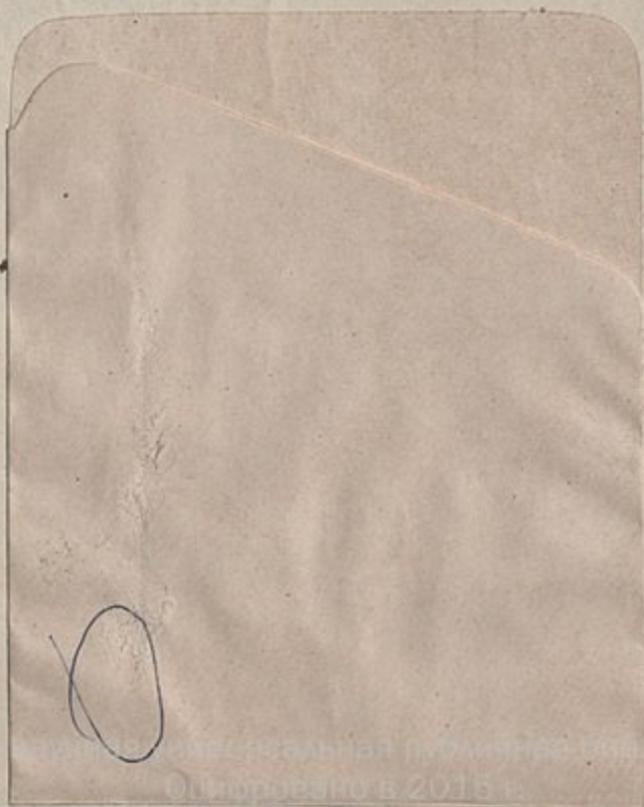
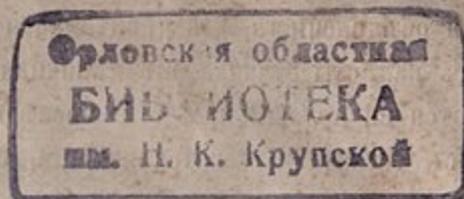


Крестьянская
свадьба
в Мценском уезде.



0

Одобрено в 2015 г.



IX. КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА ВЪ МЦЕНСКОМЪ УѢздѢ.

(Сообщеніе П. М. Апостольскаго.)

«Въ мирскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и органики, и гусельники, и смѣхотворцы, и бѣсовскіе пѣсни поютъ, и какъ къ церкви вѣнчаться поѣдутъ—священникъ со крестомъ будетъ, а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими ризиуть, а священники имъ о томъ не возбраняютъ и не запрещаютъ». Такъ гласитъ одинъ изъ 32 вопросовъ царя Ивана Васильевича IV, обращенныхъ къ знаменитому Московскому собору 1551 г. Хотя Стоглавъ и постановилъ, чтобы «къ вѣнчанію ко святымъ божіимъ церквамъ скомрахомъ и глумцомъ предъ свадьбою не ходити, а священникамъ бы о томъ запрещати съ великимъ запрещеніемъ, чтобы такое безчиніе никогда не именовалось»;—однако и теперь, спустя болѣе 300 лѣтъ послѣ этого постановленія, русская народная (да и не народная только) свадьба сохраняетъ на себѣ многія черты, напоминающія стародавнюю эпоху сѣдой, языческой еще, старины. Вѣками сложившіяся формы народнаго быта, освященные долгимъ временемъ обычаи не легко поддаются административнымъ распоряженіямъ. Благодаря этой живучести старины, современная этнографія обладаетъ цѣннымъ матеріаломъ для изученія вѣрованій и формъ быта нашихъ предковъ, когда еще матушка Русь не была крещеною-православною. Едва ли не большую долю этого матеріала даютъ *свадебные* пѣсни и обычаи. По крайней мѣрѣ мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ, нѣсколько познакомившись съ бытомъ крестьянъ Мценскаго уѣзда. Они забыли уже такое популярное во всей славянщинѣ, такое веселое, полное поэтическихъ красотъ, празднество, какъ купальскія игрища *), забыли грозныя черты Іліи пророка, на котораго перенесены были, въ начальную

*) Впрочемъ, остатокъ купальскихъ празднествъ у Мценскихъ крестьянъ можно видѣть въ доселѣ сохраняющемся у нихъ обычаѣ—подъ Петровъ день всю ночь пѣть пѣсни и ждать выхода солнца. Сл. *Авномасъса* 111, 795.

христіанскую эпоху, древне-миѣическія представленія о славянскомъ громовержцѣ-Перунѣ *), забыли о русалкахъ и т. д. Но зато нѣкоторыя подробности ихъ брачнаго обряда носятъ на себѣ характеръ далекаго прошлаго.

Свадѣбѣ, конечно, предшествуетъ сватовство. Родители жениха приходятъ въ домъ родителей неvěсты съ предложеніемъ знакомства.

— Нужно жениха посмотреть: говоритъ мать неvěсты, если дѣло идетъ на ладъ и, вслѣдствіе этого, неvěста плакала. Когда будетъ приведенъ женихъ, то его и неvěсту, убранныхъ въ праздничный нарядъ ставятъ рядомъ и спрашиваютъ: правятся ли они другъ другу? Женихъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ самъ, а за неvěсту—мать. Послѣ утвердительнаго отвѣта и согласія на бракъ съ той и другой стороны, спивается (съ жениховой стороны) могарычь, а затѣмъ неvěстина родня отправляется въ домъ жениха смотрѣть его хозяйство.

Черезъ нѣсколько дней бываетъ стговоръ. Вечеромъ устраивается пиръ въ домѣ неvěсты. Во время его приходитъ женихъ со своею родней и стучитъ въ запертыя ворота.

- Кто это, какіе люди? спрашиваютъ изъ двора.
- Мы люди проѣзжіе, пустите ночевать.
- Мѣста нѣту, народу много.
- Ну, нашъ могарычь.

Послѣ этого родные неvěсты отпираютъ ворота, пьютъ принесенное женихомъ вино и впускаютъ его, съ провожатыми въ избу. Вошедши въ избу, женихъ молится Богу и стоитъ, пока присутствующіе на вечеринкѣ пьютъ

*) Можно, впрочемъ, здѣсь отиѣтитъ одинъ обычай, напоминающій нѣсколько чествованіе Перуна, какъ покровителя земледѣлія. Въ Ільинъ день приносятъ въ церковь и кладутъ передъ образомъ св. Ільи хлѣбы, испеченные, если не ошибаюсь, изъ извой муки.

его вино. Послѣ этого дѣвушки, доселѣ сидѣвшія за столомъ рядомъ съ невѣстой, уступаютъ мѣсто около нея жениху. Сговоръ, послѣ обильнаго угощенья, оканчивается объявленіемъ для дѣвичника и подаркомъ жениху отъ невѣсты ручника. Въ дѣвичникъ къ невѣстѣ собираются ея подруги провести послѣдній день дѣвчества съ угощеніемъ и приличными случая пѣснями. Вотъ одна изъ этихъ пѣсенъ *).

Летѣли голуби
Черезъ дворъ,
Ударили крыльями
Объ теремъ.—
«У терему, или нѣтъ
Авдотья-свѣтъ?
Мы сказали ей
Добрую вѣсть,
Что у Иванушки
Дома есть:
У его домѣ
Конь вороной,
Самъ на конѣ,
Что соколь.
Его батюшка
Спрашиваетъ:
— Ты куда Иванъ
Собрался?
— Въ дорогу, батюшка,
Дальнюю.
Пожалуйте подмоги
Семдесятъ семь лошадей вороныхъ,
Двѣ коретушки золотыхъ,
Двѣ свашеньки молодыхъ,
Два кучера верховыхъ,
Два извоицка молодыхъ.

Когда начинаютъ съѣзжаться гости, невѣста, доселѣ слезливо обращавшаяся къ отцу и матери, начинаетъ голосить; встрѣчая каждаго изъ входящихъ въ избу родственниковъ особою заплачкою:

Подите, мои родные,
Сбирайтесь въ одну кучечку,
Навѣдайте меня въ этомъ горѣ,—
Не отдайте на чужую сторону;
Меня не покиньте,
Сыта-ли, голодна-ли.

*) Подобная пѣсня записана П. В. Шейномъ въ Тульской губернии. См. Русск. нар. пѣсни. I, 470—471.

Не кускомъ хлѣба,
Привѣтнымъ хоть словомъ!

Когда соберутся все и придетъ женихъ, невѣсту покрытую ставятъ среди избы; свать, послѣ угощенья съ жениховой стороны, говоритъ:

— За что пили-ѣли, дайте товаръ посмотрѣть.

Невѣсту подводятъ къ жениху, ставятъ рядомъ и открываютъ. — Довольны-ли вы, сваточки, за что пили-ѣли? Тотъ-ли товаръ?

— Тотъ. Довольны вашей милостью. — Начинается пѣніе.

I.

Пропоиць,—пропоиць,
Авдотинъ батюшка!
Пропоилъ свою чаду
За винную чару;
Проѣлъ свою дочку
На хлѣбѣ, на соли,
На ласковомъ словѣ,
На бражномъ стаканѣ.
Бражная ступа
Весь міръ перпоила;
Авдотья слезливая
Всѣхъ переслезила *).

II.

Воскрикнули гуси,
Дунай **) переплывши,
На горку ушедши:
«Какъ намъ, гусямъ, быть?
Дунай замерзаетъ,
Снѣжкомъ западаетъ».
Восплакнула Авдотья,¹
По новымъ сѣнямъ ходя:
«Какъ же мнѣ быть,
Въ чужи люди выходить,
Бѣ чужимъ привыкать,
Чѣмъ свекра дарить,
Молодую свекровь?»
И внѣ-сударь скажетъ:
— О чемъ, Авдотья, плачешь?
Положь батюшкѣ рубашку,
Матушкѣ платочекъ,

*) См. Шейна I, 426.

**) Въ описаніи свадьбы въ Орловской губерніи у Терещенки, въ подобной дѣснѣ вмѣсто Дуная вспоминается Ока.

Деверечкамъ порточки,
Невѣсткамъ платочекъ,
Золовкамъ вѣточки.

III.

Не пава-ли по двору ходить,
Не павлины-ли перышки ронить?
Ажно Авдотья,
По сѣнямъ гуляючи,
Будить-пробужасть
Свою батюшку роднаго:
— Встань, батюшка родимый!
Не годъ мнѣ у тебя годовать,
Не недѣлю гостевати, —
Одну ночку ночевати,
Одинъ пиръ пировати,
И того въ слезахъ не видати.

IV.

Что сказали Ивану —
Нерадостны вѣсти:
Противъ тестева двора
Все горы крутыя,
Лѣса темные,
Луга зеленые,
Ручьи быстрые.
Иванъ-сударь скажетъ:
— Хоть дорого дать,
Козака *) нанять
Горы раскопать,
Луга притоптать,
Лѣса порубить,
Досокъ напилить,
Мостокъ наместить,
Ивану проѣхать
Къ тестю побывать,
Тещу повѣстить,
Авдотью взять
За правую ручку
Къ Божьему суду,
Къ святому вѣнчанью!

V.

При расплетаніи у невѣсты косы, въ чемъ символически представляется конецъ дѣвичьей жизни, поютъ:

*) Любопытно, что въ пѣснѣ Орловской губ. упоминается козакъ и притомъ же въ роли наемнаго работника.

Изъ поля-поля
Летѣли пчелы,
Пчелы яровныя,
Крылья золотыя.
Сѣли-нали пчелы
У Павла на дворѣ.
У Авдотьи въ теремѣ,
У Авдотьи на косѣ;
Стали косу расплетать,
По волосу разбирать,
Стали золото доставать
Дружкамъ конь подковать.
Дружковъ конь не пошелъ,
Головошку не понесъ,
Авдотьюшку не повезъ,
Иванушка подскочилъ.
За бѣлы руки схватилъ,
За дубовый столъ сядилъ.

Въ самый день свадьбы, предъ отправленіемъ къ вѣнцу брачующихся, въ домѣ жениха и невѣсты совершаются неодинаковые обряды. — Жениха, убраннаго елико возможно лучше и одѣтаго виѣ избы, вводятъ въ избу, и сажаютъ за столъ, на которомъ ставятся два стакана вина и разныя харчи. Одна изъ женщинъ-родственницъ начинаетъ обрядъ проводовъ къ вѣнцу:

Батюшка посаженный и батюшка пороженный,
Матушка посаженная и матушка порожена,
Вся честная компанія,
Благословите намъ молодаго князя обвеличать.

По изъявленіи согласія на эту просьбу начинается пѣніе:

Благослови Боже,
Кузьма Демьянъ,
Скуй намъ свадьбу
Ладомую,
До старовѣка
Ладомую,
До сѣдой бородушки
Ладомую,
До бѣлой головушки
Ладомую!

Послѣ этого начинается благословеніе образомъ, причемъ женихъ говоритъ: «Благослови, крестный батюшка, въ Божій судъ пойти». То же повторяется, съ перемѣной обращенія, и крестной (она же посаженная) матери и родителямъ. Въ то время, когда женихъ съ поѣздомъ

выходить изъ избы, мать надѣваетъ шубу навыворотъ, а какая нибудь женщина несетъ дѣжу (бочку^{*)}), которую опрокидываетъ около телѣги. Мать, въ вывороченной шубѣ, садится на дѣжу. Сынъ (женихъ) становится правой ногой на правое колѣно матери и такимъ образомъ взлѣзаетъ на телѣгу. Мать утираетъ его воротомъ рубахи и цѣлуетъ. Послѣ этого начинаются пѣсни,—съ которыми поѣздъ жениховъ и отправляется изъ родительскаго дома:

I.

Вились, повились
У воротъ вереюшки;
Не сами-жъ они повились,
Повили ихъ плотнички,
Плотнички *Московскіе*,
А топоры ихъ *Тульскіе*.
Повились, повились
На Иванъ кудерки;
Не сами-жъ они повились,
Повила ихъ матушка,
Матушка родимая.

II.

Къ поѣзду:
Бояре, бояре,
Бояре большіе,
Куда снаряжены?
Не пора-ли вамъ ѣхать
Ума спровѣдать,
Ума Авдотьины
Умы Авдотьины
Въ дарахъ закатаны,
Въ сундукахъ замкнуты.

III.

У Лада среди двора
Стоялъ дубецъ,
Зеленый, кудравый,
У Ладу!
Къ тому дубцу съѣзжаются—
У Ладу!—
Князя и бояре—
У Ладу!—^{**})
Они думаютъ думу—
Какъ намъ быть,
Какъ Ивана женить,

Авдотью брать?

Охотою беремъ,

Похвалою повеземъ

Черезъ девять городовъ,

Черезъ десятое село!

Межъ тѣмъ и въ домѣ невѣсты идетъ снаряжанье къ вѣнцу. Послѣ одѣванья и покрытія полотенцемъ ее вводятъ въ избу, гдѣ она садится на полъ и голосить:

«Куда-жъ ты меня, родимая матушка, снаряжаешь?
Сударыня матушка, сударыня желанная, не покинь!»

Отвѣтъ матери: Дѣточка моя милая,
Дѣточка моя умильная,
Посохъ мой милый,
Не отлучный!

Куда не пошлю,

Со всѣхъ катишься.

И какъ же, мое дѣточка,

Твои слѣдочки послѣ

Мнѣ ухаживать,

Какъ мнѣ позабыть?..

Раздается стукъ въ запертыя ворота. То стучать пріѣхавшіе отъ жениха сваты. Игрицы кричатъ: «Зять у воротъ убивается, надъ водой извивается!» Невѣста встаетъ и ее благословляютъ, причемъ она голосить:

Прости, благослови, крестный батюшка,
Мнѣ въ Божій судъ пойти!
Нарекайте мнѣ долю добрую,
Счастье хорошее!

То же, только съ переменною обращенія, повторяетъ невѣста при благословеніи крестной матерью, родителями и всѣми родными. Послѣ благословенія, невѣсту сажаютъ въ передній уголъ; рядомъ съ нею садятся брать (прямо подъ образами) и сваха; передъ братомъ на столѣ ставятъ кружку и кладутъ весло-палку. Входитъ свать жениха, добывъ право входа какъ на сговорѣ. Помолившись Богу, онъ говоритъ:—примите насъ въ свою компанію.

—Милости просимъ, садись.

—Что у васъ за человекъ тутъ сидитъ? намъ дорого на это мѣстечко сѣсть: продолжаетъ свать, указывая на мѣсто подлѣ невѣсты, занимаемое братомъ ея.

—Садись.

—Да тутъ человекъ сидитъ...какъ же быть?

—Какъ хочешь.

Свать замахивается кнутомъ на невѣстину брата, тотъ защищается весломъ.

^{*)} Дѣжа (стар.) кадка, бочка, дельна. Слов. Ак. Н.

^{**}) Припѣвъ «У Ладу» повторяется послѣ каждаго стиха.

— Полно драться, — говорят другіе, — лучше могоарычь.
Въ эту кружку налей вина, да положи гривну.

Сватъ даетъ вина и денегъ, послѣ чего братъ опра-
стываетъ свое мѣсто; сваха выходитъ въ сѣни съ блю-
домъ, на которомъ пирогъ и курица. Ее встрѣчаетъ
поѣздъ жениха.

Когда женихъ съ провожатыми войдетъ въ избу и
займетъ мѣсто около невесты, сватъ идетъ къ конику*)
и трижды обходить всѣхъ, кто поѣдетъ въ церковь.
Пѣрицы поютъ:

I.

Сизый мой селезень,
Гдѣ ты былъ?
Былъ, былъ я на морѣ,
Видѣлъ я утену:
У густой тростникъ побѣжала,
Сизо крыло засизѣло
Ясная головка заяснѣлась.—
Иванушка, гдѣ жъ ты былъ,
Петровичъ, гдѣ пробывалъ?
— Былъ я у тестя.
У ласковой тещи;
Видѣлъ я Авдотью:
На высокъ теремъ побѣжала;
Сафьянъ сапогъ застучалъ,
Кунья шуба зашумѣла,
Золотъ вѣнокъ заяснѣлся
— Не бѣги, не бѣги, Авдотья,—
Быть тебѣ за мною,
Слышь моей женою!—

II.

Гдѣ селезень былъ,
Гдѣ утена была?
Снесъ ихъ Богъ
Въ одно озеро.
Гдѣ Иванъ былъ,
Гдѣ Авдотья была?
Снесъ ихъ Богъ
За единый столъ **).

Послѣ благословенія еще разъ жениха и невесты
поѣздъ отправляется въ церковь. Тогда поются:

I. Пѣсня къ повозчику:

Повозничекъ-путникъ,

*) Коникъ—лавка у дверей, въ видѣ длиннаго ящика съ крышкою.

**) Сл. у Шейна—стр. 459.

Есть ли у тебя кнутикъ,
Шелковая плетка?
Приударъ коня больно,
Чтобы конь бѣжалъ бодро,
Чтобы я не слыхала,
Какъ матушка плачетъ,
Сударыня тужить.

II. Во время пути:

а) Выпадала пороша,
Не мала не велика,
Стоя (?) человекъна.
По пути, по порошокъ,
Тамъ ѣздили ловцы,
Ловили они куну
Ивану на шубу,
Золотыя зарукавья.
б) Кузнецы молодые,
Куйте коней крѣпче—
Намъ ѣхать далече,
Селомъ и деревней.
Подковы-то звякнуть,
А люди-то скажутъ:
Богатые ѣдутъ,
Богатую везутъ!

III. На возвратномъ пути изъ церкви:

Выглянь, выглянь, мати,
Въ стекольчато окошко,
Какъ сынъ-соколъ ѣдетъ,
Соколушку везетъ—
Веселыя ножки.
Досузія ручки.

Межъ тѣмъ, пока идетъ вѣнчанье, подъ воротами
дома жениха зажигаютъ огонь, такъ чтобы лошади,
привезшія молодыхъ изъ подъ вѣнца, чрезъ него пере-
ѣхали. Когда молодые слѣзутъ съ телѣги, отецъ жениха
встрѣчаетъ ихъ, на порогѣ дома съ образомъ, а мать,
опять въ вывороченной шубѣ, съ ковригой и солью.
Здороваются.—Прошу васъ въ семейство къ намъ! го-
ворить отецъ. Молодыхъ сажаютъ за столъ и поздра-
вляютъ, на что они отвѣчаютъ поклонами. Затѣмъ ихъ
отправляютъ на другую половину избы, гдѣ кормятъ съ
ближними, послѣ чего дружка и сваха отводятъ ихъ
спать, причемъ совершается любопытный обрядъ разу-
ванья.

Сними, сними сапогъ, посмотри, что тамъ есть, го-

ворить женихъ невѣстѣ. Та снимаетъ сапогъ и получаетъ находящуюся тамъ монету; монету изъ ея башмака беретъ женихъ.

При встрѣчѣ молодыхъ отъ вѣнца поется:

I.

Бояре на дворѣ ѣдутъ,
Луками огонь мечутъ,
Шапками поддуваютъ,
Стрѣлками поджигаютъ*).

II.

У Павла на дворѣ
Красно и ясно,
Зелено, лазорево.

На утро молодыхъ спрашиваютъ о здоровьѣ и величаютъ:

Кто жъ у насъ, моль, женился?
Иванъ, Лелье, молодой-невеличекъ—
Авдотьюшка полюбилась,
За бѣлы руки ухватилась,
За дубовый столъ посадила,
Винцомъ-пивцомъ напоила,
Крупнчатымъ пирогомъ накормила.

Таковъ обрядъ крестьянской свадьбы во Мценскомъ уѣздѣ, очень, нужно замѣтить, схожій съ тѣмъ, что совершается по всему пространству русской земли. Съ перваго взгляда онъ представляется безсмыслицей, случайнымъ сборомъ неуклюжихъ церемоній, какой-то глупой комедіей. Но если мы, снизойдя съ высоты своего цивилизованно-щепетильнаго созерцанія, не навязывая народу своей книжной морали, не подходя къ его забавамъ и увеселеніямъ въ лаковыхъ сапогахъ и бѣлыхъ перчаткахъ**), повнимательнѣй приглядимся къ тому, что съ перваго взгляда кажется безсмыслицей и нелѣпостью; то и въ брачномъ ритуалѣ нашего крестьянства увидимъ серьезный смыслъ, откроемъ то, что составляетъ неоспоримо ихъ *raison d'être*. Я уже замѣтилъ что нѣкоторыя подробности записаннаго мною свадебнаго

*) Эта маленькая пѣсня представляется весьма любопытною и важною для выясненія мѣстеческой основы русскаго свадебнаго ритуала: нетрудно замѣтить (особенно при сопоставленіи со многими подобными пѣснями Латышей), что здѣсь свадебный поѣздъ изображается аналогично съ грозовымъ полетомъ громовника; а чрезъ это дается поводъ искать объясненія свадебныхъ обрядовъ въ тѣхъ же мѣстеческихъ воззрѣніяхъ, изъ которыхъ объясняются и весеннія «игрища межъ селъ», гдѣ встарину производилось умыканье, и купальскія и ярильскія празднества.

**) Выраженіе проф. Буслаева въ Русск. Вѣсти. 1872 г. № X стр. 674.

обрядъ носить на себя характеръ далекаго прошлаго; значить, и смысла ихъ нужно искать въ преданьяхъ старины глубокой. Дозволяя себѣ остановиться на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльности, считаю нужнымъ сдѣлать передъ этимъ одно общее замѣчаніе. Самый фактъ существованія разнообразныхъ брачныхъ обрядовъ уже показываетъ сравнительно высокую степень гражданственности и развитія нашихъ предковъ. У народовъ дикихъ, по свидѣтельству современныхъ путешественниковъ и этнографовъ*), очень часто не встрѣчается ихъ. Такъ у Австралійцевъ свадьба не сопровождается никакими обрядами: „я ничего не говорилъ, замѣчаетъ Мецъ о брачныхъ церемоніяхъ бадагасовъ (въ Индостанѣ), но это потому, что у нихъ едва ли можно найти что нибудь подобное“. Керіахи, въ средній Индіи, не имѣютъ на своемъ языкѣ слова, обозначающаго бракъ, и церемонія, обыкновенно происходящая въ этомъ случаѣ, повидимому, идетъ немногимъ далѣе признанія самаго факта. То же извѣстно и о бушакцахъ, калифорнійскихъ индійцахъ, краснокожихъ Соединенныхъ Штатовъ, аравакахъ (въ ю. Америкѣ), мандигахъ (въ зап. Африкѣ), ашантияхъ. Брачныхъ обрядовъ не замѣчено также у готтентотовъ, а бушмены не имѣютъ въ своемъ языкѣ отдѣльныхъ словъ для отличія замужней дѣвушки отъ женщины. Вообще, замѣчаетъ по этому поводу Лэббокъ**), существованіе хоть бы какихъ нибудь брачныхъ обрядовъ должно быть поставлено выше совершеннаго отсутствія ихъ. Брачные обряды указываютъ на выходъ извѣстнаго народа изъ того состоянія, которое ученые спеціалисты по этому предмету признаютъ (Бахофенъ, М.-Ленанъ, Моргиль) чистымъ гетеризмомъ, т. е. совершеннымъ отсутствіемъ брака, или общиннымъ бракомъ, гдѣ всѣ мужчины и женщины каждой общины жили въ кровосмѣсительномъ союзѣ между собою. Что арійцы очень рано вышли изъ этого состоянія, на это указываетъ уже вполне развитая у нихъ терминологія родства, установившаяся еще до раздѣленія на разныя вѣтви, на что давно указало сравнительное языкознаніе. Изъ гимновъ Ригъ-Веды, въ которыхъ можно находить лишь слабые намеки на общинный бракъ, оказывается, что бракъ на землѣ освященъ для индусовъ бракомъ, совершившимся на небѣ между Сомою и Суріей. Поэтому естественно, что у индусовъ мы ви-

*) Подобныя свидѣтельства въ изобиліи приведены у Лэббока «Донстор. времена» и «Начало цивилизаціи»

**) «Начало цивилиз.» стр. 63.

димъ цѣлый свадебный ритуаль, имѣющій цѣлью дать религіозную и юридическую санкцію союзу, видимъ передачу дѣвушки изъ родительскаго дома въ домъ мужа, видимъ нѣсколько должностныхъ лицъ, участвующихъ въ церемоніи и толпу зрителей, которые должны быть свидѣтелями событія и своимъ присутствіемъ придать ему юридическую силу *). То же воззрѣніе на человѣческій бракъ, какъ на нѣчто соответствующее событію въ жизни божествъ, очень ярко просвѣчиваетъ въ дышащихъ миѣической стариною пѣсняхъ Латышей. Мы коснемся современемъ нѣсколькихъ частныхъ вышеописаннаго свадебнаго обряда, именно съ цѣлью показать какъ ихъ маститую, очень интересную для исторіи быта, древность, такъ и миѣическую ихъ основу и значеніе.

1. Роль родителей, въ частности матери, въ свадебномъ обрядѣ (свадебный обрядъ явился въ періодъ патріархальной Азіи).

*) В. О. Миллера, Очерки Ар. миѣ. 25, 29.

Роль брата.

3. Слѣды брака чрезъ умыканье и покунку невѣсты; разные виды умыканья.

4. Миѣическая основа свадебнаго ритуала (объясненіе его изъ весеннихъ «игрищъ межи селы» и обрядовъ купальской ночи). Значеніе огня при воротахъ (сл. огни на Ивана-Купалу). Вино (сл. напитокъ Боговъ—Сому и т. п. дождь). Курица (Перунова курица). Кузьма-Демьянъ—ковачи свадебъ. Шуба на выворотъ.

5. Покрытіе невѣсты и расплетенье косы.

6. Князья и бояре.

7. Бракъ—судъ Божій.

8. Замужество—горе, невеселая жизнь.

9. Чтò важнѣе:—свадебный обрядъ, или церковное вѣнчанье (по народному воззрѣнію)?

Вотъ пункты, которые, при обзорѣниі вышеописаннаго обряда, обращаютъ на себя вниманіе, какъ предметы сравнительнаго изученія.

Орловская областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. К. Крупской

Lokon

